

Е.Н. Грушецкая

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА, НАПИСАННОГО В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ
(на материале французского языка)

Статья посвящена актуальным проблемам лингвистики текста, текстологии, прагматики, нарратологии и др. На материале французского языка выявляются особенности построения художественного текста, написанного в настоящем времени, с точки зрения коммуникативной грамматики. Рассматривается вопрос о роли повествователя/нарратора в таком тексте.

В рамках теории диалогизма и полифонии текст рассматривается как единица коммуникации – система, состоящая из высказываний, диалогов персонажей, «действующих лиц». Становится важным не только то, о чем говорится в тексте, но и то, как и кем говорится. Возникает вопрос о создателе/авторе/повествователе текста, о персонажах/героях, поскольку проблема «субъекта речи – одна из основных перспектив рассмотрения художественного текста» [1, с. 14]. В связи с этим многие частные явления языка, например, использование грамматических времен и наклонений в тексте интерпретируются с позиций прагматики (использования лингвистического знака субъектом речи).

В лингвистике текста, нарратологии особое внимание уделяется тому, как организован и построен текст с точки зрения его производителя – автора/повествователя/нарратора.

Во французской лингвистической традиции четко и строго противопоставляется речь повествователя/нарратора и речь персонажа в тексте. Для этого французский язык обладает достаточным арсеналом временных глагольных форм, местоимений и других грамматических средств.

Согласно теории Э. Бенвениста [2], всякий текст состоит из «истории»/«рассказа» («histoire»/«récit») и «дискурса» («discours»), имеющих свои отличительные особенности. Рассказ соотносится с темпоральным планом прошедшего, его основными грамматическими признаками является использование третьего лица (*il*), прошедших времен (*le passé simple*, *le passé antérieur*, *le plus-que-parfait* и др.). Все это создает впечатление безличности, отражения событий «самих по себе», без прямого участия субъекта речи. Дискурс же, напротив, представляет собой речь субъекта, поскольку он характеризуется использованием первого лица (*je*), настоящего времени (*le présent*), т.е. референцией к времени и месту высказывания («я–здесь–теперь»).

По А. Клюму [3], во французском языке существуют две системы глагольных времен и наречий: нинегоцентрическая (*nynéocentrique*), в центре которой находится субъект речи, и аллоцентрическая (*allocentrique*),

принадлежащая сфере иного субъекта. В большинстве текстов наблюдается наличие элементов этих двух систем, что служит базой для создания многоголосия, *полифонии*. Этот термин отражает идею о том, что в тексте слышны множество голосов, различные точки зрения и т.д. [4]. В рамках данной проблематики встает вопрос о выявлении голосов повествователя/нарратора, персонажей и других участников повествования.

В художественном тексте, написанном по классическим канонам, повествователь/нарратор, используя грамматические маркеры истории/рассказа, создает фон, на котором разворачиваются события, рассказывает о них с максимальной удаленностью от происходящего, находясь «за кадром», на «заднем плане», не принимая непосредственного участия в событиях текста. Напротив, персонаж текста – субъект речи – оказывается «в кадре», на «переднем плане», являясь непосредственным участником событий, о чем свидетельствуют дейктические элементы, отсылающие к параметрам «я–здесь–теперь».

Субъект речи выступает ключевым параметром высказывания, текста и в зависимости от своих интенций и стратегий «употребляет язык в качестве орудия» [5, с. 312].

При интерпретации роли и функций субъекта речи в тексте необходимо принимать во внимание категорию *эвиденциальности*, «содержанием которой является ссылка на источник информации» [6, с. 69]. Пути и источники получения информации субъектом речи могут быть различными: непосредственное участие, прямое сенсорное восприятие события, логическая операция, умозаключение и т.д. На этом основании следует разграничить три основные роли субъекта речи:

1) *говорящий* как активный субъект действия (речевого, физического и т.д.) и прямой источник информации;

2) *наблюдатель*, воспринимающий действия, ситуацию со стороны, но имеющий к ним как источнику информации прямой доступ (он видит, слышит);

3) *сообщающий*, дающий в момент речи информацию о действиях, событиях, которые имели место в прошлом, субъектом или наблюдателем которых он был. Информацию о действиях, событиях и т.д. можно получить из косвенных источников – из вторых рук, в результате собственных логических рассуждений и умозаключений (в этом случае сообщающий передает информацию как свои знания) [7, л. 24].

В связи с вышеизложенным возникает проблема интерпретации текста, написанного с «нарушениями» норм традиционной грамматики французского языка. Одним из таких «отклонений» является использование формы настоящего времени изъявительного наклонения (*le présent de l'Indicatif*) в литературно-художественном тексте.

Роман современного французского писателя алжирского происхождения Ясмینی Хадра «Господские агнцы» («*Les agneaux du Seigneur*») интересен как в плане содержания, поскольку посвящен актуальному вопросу совре-

менной истории – распространению воинствующего исламизма, – так и в плане выражения, поскольку практически полностью написан в настоящем времени (*le présent de l'Indicatif*). При анализе данного текста особый интерес представляет выявление соотношения речи повествователя/нарратора и персонажей.

В традиционном литературоведении, текстологии авторские слова противопоставляются словам персонажей: «Аўтарская мова – аўтарскае апавяданне, апісанне, разважанне ў літаратурна-мастацкім творы, што не адносіцца да мовы персанажаў» [8, с. 223].

Однако в романе «Господские агнцы» не наблюдается формально-грамматического противопоставления речи повествователя/нарратора и персонажей в силу отсутствия маркеров «истории/рассказа» (*le passé simple, le passé antérieur, le plus-que-parfait* и др.). Прошедшие времена заменены настоящим, которое традиционно квалифицируется как *настоящее историческое/нарративное*.

Употребление формы настоящего времени в литературно-художественном тексте имеет неграмматическое объяснение: ее назначение видят в том, чтобы оживить повествование. Лингвисты признают: «Грамматическое значение настоящего в данных условиях выступает в особом, переносном варианте: действие лишь изображается так, как будто оно настоящее, – на самом же деле оно относится к прошлому» [9, с. 144].

Два типа настоящего исторического: (*литературное и разговорное*) разграничивает А.В. Бондарко. В литературном настоящем историческом «я» отсутствует. Налицо лишь события, о которых идет речь. Нет живой связи, актуального соотношения ни с «я», ни с моментом речи. При этом отмечается, что «настоящее историческое используется лишь как техническое средство передачи событий» [Там же, с. 146].

Настоящее историческое, употребленное вместо *le passé simple* в третьем лице, наряду с *l'imparfait, le passé composé* квалифицируется как одно из прошедших времен [10, с. 427]. На этом основании следует предположить, что настоящее историческое становится временем истории/рассказа и используется повествователем/нарратором, который или переносит прошедшие события в свое настоящее так, как будто они «происходят» у него перед глазами, или сам «погружается» в прошедшие события» [11, с. 451].

Действие романа «Господские агнцы» происходит в небольшой алжирской деревне Гашимат. Жизнь в ней течет спокойно и размеренно до тех пор, пока туда не возвращается ее бывший житель, ставший исламистским фанатиком.

Изложение событий от третьего лица в настоящем времени указывает на наличие репродуктивного текста, отличительная особенность которого – перцептивность, наблюдаемость того или иного события, явления. Создателем репродуктивного текста выступает наблюдатель, чья роль состоит в том, что он описывает, репродуцирует ситуацию, разворачивающиеся «перед его глазами» картины, пейзажи и т.д. Так, роман начинается с описания зловещего заката солнца в горах, предрекающего трагедию:

(1) *Le soleil maintenant se retranscche derrière la montagne. Quelques mèches sanguinolentes tentent vainement de s'agripper aux nuages. Elles s'effilochent et s'éteignent dans l'obscurité naissante* [12, с. 11].

На прямое восприятие указывают сказуемые в настоящем актуальном, обозначающие срединность действий, равную времени взгляда наблюдателя и его комментария: *le soleil maintenant se retranscche derrière la montagne* 'солнце сейчас разрывается на куски за горой'; *quelques mèches sanguinolentes tentent vainement de s'agripper aux nuages* 'несколько кровотокающих прядей тщетно пытаются зацепиться за облака'; *elles s'effilochent et s'éteignent dans l'obscurité naissante* 'они редеют и гаснут в зарождающейся темноте'. Перцептивность легко верифицируется с помощью глагола зрительной перцепции *voir* 'видеть': *On voit que...* Форма настоящего времени используется в прагматической функции настоящего дескриптивного.

Первостепенная роль наблюдателя заключается в комментировании действий третьих лиц, находящихся в его поле зрения. В репродуктивном фрагменте-комментарии

(2) *Lyès le ferronnier roule une cigarette, la tapote contre son genou et l'allume avec un briquet. La fumée se suspend dans l'air, incapable de rejoindre le plafond à cause de la chaleur. Il se lève, marche de la fenêtre à la porte, l'esprit ailleurs. Cela fait deux heures qu'ils discutent dans la maison de l'écrivain public, et sa tête commence à se faire souffrir* [12, с. 137] идет описание следующих друг за другом действий, производимых третьим лицом: (*Lyès*) *roule une cigarette* 'Льес скручивает сигарету', *la tapote contre son genou* 'трет ее о колено', *l'allume avec un briquet* 'зажигает ее зажигалкой', *il se lève* 'он встает', *marche de la fenêtre à la porte*, 'идет от окна к двери' и т.д. Действия обозначены сказуемыми со значением настоящего точечного или актуального (в зависимости от перфектной семантики глагола).

Диалоги персонажей романа эксплицитны и графически оформлены прямой речью. Комментарии наблюдателя выполняют, по сути, функции сценических ремарок драматического текста, а настоящее время глагола имеет значение настоящего сценического.

Следует отметить, что чаще всего наблюдатель не выражает своего отношения к персонажам и лишь комментирует последовательность их действий. Такая нейтральность наблюдателя сближает его с повествователем/нарратором художественного текста, написанного в прошедшем времени. Однако если последний максимально удален от происходящего, то нарратор-наблюдатель находится в едином пространстве и времени с персонажами/героями текста.

Основным параметром наблюдаемых действий/ситуаций, как уже отмечалось, является перцептивность, т.е. прямой доступ к источнику информации. Такие ситуации имеют «включенный показатель времени», который означает: «ситуация развертывается в момент t' и предполагает внутреннюю точку отсчета, т.е. наблюдателя, синхронного ситуации» [13, с. 138]. Наблюдатель непосредственно воспроизводит сенсорно наблюдаемое и находится

в «хронотопе происходящего» [14, с. 29], т.е. во «времени-месте действия» [15, с. 346]. Следовательно, признак наблюдаемости «совпадает с признаком конкретно-временной локализованности» [Там же].

Так, в примере (1) имеется параметр *сейчас (maintenant)*, а в (2) – указание на конкретный промежуток времени, в течение которого происходят действия (*Cela fait deux heures qu'ils discutent* ‘два часа, как они спорят’). Следовательно, в репродуктивном тексте «моделируется ситуация совпадения времени действия, наблюдения и речи», чем достигается высшая степень достоверности, «которая обусловлена (зрительной) сенсорикой наблюдающего и его пространственно-временными координатами (здесь и сейчас» [6, с. 72]. Становится очевидным, что наблюдатель, ведущий повествование, не отстранен от происходящего, создается ситуация коммуникации, когда «функцию говорящего выполняет автор, наблюдение делится между автором и героем» [Там же]. Кроме того, в коммуникацию активно вовлекается и читатель, так как настоящее время «как бы включает читателя в диалог, т.е. помещает его в то же пространство и время, в котором находится сам повествователь» [13, с. 289].

Таким образом, художественный текст, написанный в настоящем времени от третьего лица, представляет собой чаще всего описательно-репродуктивный текст или текст-комментарий, на что указывает грамматическая форма настоящего времени глагола в том или ином значении.

Повествователь/нарратор является активным субъектом речи в роли наблюдателя, находится в едином пространстве и времени с персонажами, создает активную ситуацию общения в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плеханова, Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т.Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
2. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – Paris: Éd. Gallimard, 1974. – 288 p.
3. Klum, A. Verbe et adverbe / A. Klum. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1961. – 313 p.
4. Бахтин, М.М. Собрание сочинений : в 7 т. / М.М. Бахтин. – М.: Рус. словари, 1996. – Т. 5. – 730 с.
5. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
6. Никитина, Е.Н. Субъектные нули и перцептивный модус: к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке / Е.Н. Никитина // Вопр. языкознания. – 2013. – № 2. – С. 69–82.
7. Грушецкая, Е.Н. Семантика и прагматика формы настоящего времени индикатива в тексте современного французского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Н. Грушецкая. – Минск: МГЛУ, 2008. – 118 л.
8. Абабурка, М.В. Беларуска лінгвістычная паэтыка і тэксталогія / М.В. Абабурка. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2008. – 272 с.

9. *Бондарко, А.В.* Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
10. *Autier-Revuz, J.* Ces mots qui ne vont pas de soi. Boucles réflexives et non-coïncidences du dire / J. Autier-Revuz. – Paris: Larousse, 1995. – 869 p.
11. *Гловинская, М.Я.* Две загадки praesens historicum / М.Я. Гловинская // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М. : Индрик, 1996. – С. 451–457.
12. *Khadra, Y.* Les agneaux du Seigneur / Y. Khadra. – Paris: Editions Juillard, 1998. – 218 p.
13. *Падучева, Е.В.* Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 464 с.
14. *Золотова, Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка // Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 544 с.
15. *Золотова, Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 2001. – 368 с.

The article deals with vital issues raised in linguistics of the text, textual criticism, narratology etc. The French language is examined from the point of communicative grammar to reveal the peculiarities of the Present Tense employed to organize a text of fiction. The role of the narrator in such texts is researched.

Поступила в редакцию 24.03.14